

определенным уровнем подготовки; в) управление информационными ресурсами – централизованными комплексными базами, статистических, социологических, коммерческих данных, а также другой информации, необходимой для достижения установленной цели; г) управление технологическими ресурсами в виде освоенных технологий.

Управление процессами включает: а) планирование (определение политики, целей в области качества); б) бизнес-моделирование и бизнес-проектирование; в) организационное развитие в виде распределения ответственности и полномочий. Итогом управления будет служить реализация технологической цепочки комплексной медицинской услуги независимо от ее профиля.

Стратегическое управление подразумевает перспективы медицинского кластера при реализации услуги, которая в конечном итоге определяет жизнеспособность отдельной медицинской либо научной организации и отрасли в целом. Ведущие направления по стратегическому управлению – перспективное планирование, организация взаимодействия научно-исследовательской, образовательной и инновационной деятельности, а также создание современной инфраструктуры медицинского кластера.

Управление результатами сфокусировано на оценке готового коммерческого продукта/услуги, а также на формировании площадки для его продвижения, анализа эффективности и результативности при его создании и реализации. [4,5].

Показателем эффективности социально-гуманитарного подхода управления медицинским кластером станет не только устойчивое развитие субъектов, входящих в его состав, но и рост социально – экономических показателей всего региона в целом, на территории которого функционирует данный медицинский кластер.

Литература:

1. Милашевич, Е.А. Медицинский кластер как фактор развития экспорта услуг Республики Беларусь / Е.А. Милашевич // Изв. НАН Беларуси. Сер. Гуманитарных наук. -2015.- № 3. – С. 105-110.
2. Емельянов Ю.С. Формирование кластеров в сфере науки и инноваций // Эконом. науки. 2011. № 8 (81). С. 114-121.
3. Бисько, И.А. К вопросу о разработке личностных технологий в современном образовательном процессе [Текст] // Социальные технологии и общество : сб. науч. тр. / отв. ред. К.М. Оганян. – СПб., 2003
4. Лукьянович Н.В. Инновационные системы в странах СНГ: проблемы становления и развития // Белорус. эконом. журн. 2011. № 2 (55). С. 16-21.
5. <https://www.researchgate.net> Управление инновационной деятельностью в здравоохранении на региональном уровне Тоцкая Е.Г., Садовой М.А. Новосибирский НИИ травматологии и ортопедии им. Я.А. Цивьяна, г. Новосибирск.

КРИЗИС КОЛЛЕКТИВНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Сорокин Александр Алексеевич

*канд. полит. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
исторического факультета БГПУ*

Научный руководитель: С. А. Кизима, д-р полит. наук, профессор

Исследование сущности, структуры, содержания и динамики кризисных явлений коллективной политической идентичности имеет фундаментальное значение в отечественной политической науке, так как в условиях современности роль идентификационных процессов как фактора консолидации политической системы постоянно возрастает. Важно подчеркнуть, что успешность и конкурентоспособность национальной политической модели не в последнюю очередь обуславливается опорой общества на устоявшиеся представления о

молодого поколения на исторический путь белорусского народа, что может быть использовано в качестве инструмента мягкой силы в проведении исторической политики и идеологической работы.

На онтологическом уровне политическая идентичность – это способ присутствия субъекта политических отношений в политическом процессе, который включает в себя когнитивный, репрезентативный и символический компоненты, находящие своё отражение в структуре идентичности субъекта. Коллективная политическая идентичность выражается в политическом процессе как набор когнитивных моделей восприятия, понимания и репродуцирования политической самости, одновременно являющейся результатом осознания народом своей исторической памяти и результатом осмысления современной социальной действительности. В своей основе политическая идентичность как на индивидуальном, так и на групповом уровне репрезентации содержит некоторый набор специфических символов, значений, характеристик, очерчивающих самобытность политической общности и позволяющих ей конституировать свой набор особенностей, отличающих её от других сообществ. В этой связи И. Нойманн подчёркивает: «Для существования идентичности нужно различие, и идентичность превращает различие в инаковость, чтобы обеспечить уверенность в себе» [1, с. 293]. Наряду с самобытным символическим пространством, коллективная идентичность также включает в себя интерпретационную модель прошлого и видение потенциально возможного будущего.

На инструментальном уровне коллективная политическая идентичность выступает сложной целостной самовоспроизводящейся подсистемой, обеспечивающей символическое единство национальной модели средствами символической политики. Коллективную политическую идентичность можно использовать одновременно и как цель и как ресурс для реализации политических технологий. В рамках использования «мягкой силы» как внутри, так и на международной арене политическая идентичность представляет собой символическую парадигму, которую коллективный актор политического процесса считает своей и общей для себя или всех членов независимо от индивидуального опыта. В этом смысле коллективная политическая идентичность «воображается», существует как «стилизованное, символическое, социальное явление» [1, с. 13–14] и выступает в качестве «политического проекта, самоопределения политического субъекта, превращая разрозненную группу индивидов в политического актора, сплоченного общим проектом, целями и ценностями» [2, с. 13–14]. На наш взгляд следует обратить внимание ещё и на то, что в своих глубинных основаниях коллективная политическая идентичность чужда рефлексии, так как конструируется в немалой степени на основании политических архетипов, стереотипов и установок, которые при постоянном транслировании и повторении обретают характер символического «объективного знания».

Под влиянием интенсификации цифровых политических технологий в современном обществе происходит размывание контуров национальной политической идентичности, эрозия или даже исчезновение тех самоидентификационных моделей, которые находятся на периферии современных политических процессов. При этом для Беларуси подобный тренд создаёт объективные условия как минимум для частичной эрозии, а как максимум для маргинализации национального измерения политической идентичности Республики Беларусь. В частности, потенциальным вызовом цифрового политического пространства выступает планомерное использование манипулятивных политических технологий, направленных на деструкцию или симуляцию политической идентичности объекта воздействия. В такой ситуации центральной проблемой кризиса коллективной политической идентичности является то, что субъект политических отношений в современном цифровом обществе уже не обладает должным ресурсным потенциалом для того, чтобы сохранить свою идентичность. Актор оказывается не в состоянии поддерживать функционирование идентичности не только

функцию на основе реализации коллективного политического проекта и набора идей, целей и ценностей.

В рамках онтологического измерения политики можно сказать, что сведение коллективной политической идентичности к её субъективности порождает разрывы в интерпретационном поле символического порядка. Это чревато также появлением и распространением политических симулякров, а в более усугублённой форме – в попадании социума в ситуацию когнитивного взрыва, вызванного отсутствием единого алгоритма понимания символической реальности. Кризис коллективной политической идентичности в цифровом пространстве подтверждается не только отсутствием субъектного политического сущего в виде носителя политической самости, но и его заменой симулятивными субъективностями, полностью оторванными от реальности.

Цифровизация политического пространства и коллективной политической идентичности ведёт к фрагментации и деформации политического субъекта и - в конечном итоге - к его добровольному исчезновению из политической реальности.

В качестве носителя кризисной коллективной политической идентичности британский социолог Энтони Гидденс называет «кочевника», политическая идентичность которого незавершена, непостоянна, подвижна, обладает большой склонностью к флуктуациям и выполняет защитную функцию, оберегая носителя от эмоциональных рисков в рамках символических социальных практик. Энтони Гидденс подчёркивает: «Когда влияние традиций и обычаев в мировом масштабе ослабевает, меняется и сама основа самоидентификации. Когда традиции теряют силу и преобладает свободный выбор образа жизни, это не может не затронуть и ощущение человеком себя как личности» [4, с. 60].

Доминирование в цифровом политическом пространстве «номадической» политической идентичности свидетельствует как о процессе деидентификации на коллективном уровне, так и о более глубокой деструктуризации на индивидуальном - утрате политическим субъектом всех потенциальных форм коллективной идентичности. Э. Гидденс подчёркивает: «Конструирование «Я» в качестве рефлексивного проекта является составной частью рефлексивности современности. Это означает, что индивид должен найти свою (его или ее) идентичность среди стратегий и вариантов выбора, предлагаемых абстрактными системами» [5, с. 261].

На уровне политической технологии подобный тренд современного цифрового общества выражается в акцентировании не фундаментальных, а вторичных политических идентичностей, которые по своей характеристике являются периферийными, виртуальными и недолговечными. Не смотря на то, что сетевое политическое пространство характеризуется множественностью, гипертекстуальностью, полинарративностью, виртуальная идентичность глубоко вторична и лишена уникальности, так как её ризоматическая структура, содержание, а также знаковое наполнение целиком выстраивается из готового набора символического материала. Подобная репост-идентичность в условиях сегментизации сети Интернет неизбежно тяготеет к унификации в связи с тем, что специфической чертой современных социальных платформ является их капсуляция.

Процесс капсуляции как виртуальных социальных платформ так и виртуальной идентичности можно представить как формирование информационно-коммуникационной структуры, в рамках которой «циркулирующие в её закрытом пространстве идеи, символы, мысли, убеждения, мнения не изменяются за счет критического осмысления информации и восприятия альтернативных объяснительных моделей, а наоборот – лишь сохраняются, поддерживаются, закрепляются и даже усиливаются за счет многократного повторения, обсуждения, одобрения среди единомышленников» [6, с. 191].

Кризисная ситуация коллективной политической идентичности заключается ещё и в том, что деструкция и фрагментация трансверсальных политических идентичностей ведёт к «восстанию меньшинств» [7], которое потенциально может привести не только к эрозии, но и

Я. Каждый идентифицирует себя, как хочет. Жизнь в виде героя романа, собственного романа, эстетизация действительности, воплощение любой фантазии — киберпространство делает все это технически возможным» [7, с. 49].

Противодействие подобным процессам является одной из функциональных обязанностей при эффективном выполнении и реализации идеологической работы. Отсутствие у учителей современной массовой школы навыков и механизмов противодействия новым угрозам, появившихся при реализации и углублении процесса цифровизации, не только приводит к вовлечению школьников, студенческой и рабочей молодёжи в противоправную деятельность но и угрожает самому суверенитету Республики Беларусь в связи с манипулятивной трансформацией и деконструкцией коллективной политической идентичности.

Літэратура:

1. Нойман И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей / И. Нойман; пер. с англ. В.Б. Литвинова и И.А.Пильщикова. – М.: Новое издательство, 2004. . – 336 с.

2. Тимофеев, И. Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции / И. Н. Тимофеев. – М. : МГИМО-Университет, 2008. – 176 с.

3. Бодрийяр Ж., Симулякры и симуляции / Жан Бодрийяр; пер. с фр. А.Ф.Качалова. – Москва : Постум, 2016. - 238, с. - (Технология свободы)

4. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь.: / Энтони Гидденс пер. с англ. . — М. : Весь мир, 2004. . — 116 с.

5. Гидденс, Э. Последствия современности / Энтони Гидденс; пер. с англ. Г. К. Ольховикова; Д. А. Кибальчича — М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. — 352 с.

6. Володенков С.В., Артамонова Ю.Д. Информационные капсулы как структурный компонент современной политической Интернет-коммуникации / С.В. Володенков Ю.Д.Артамонова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2020. — Т. 53, № 1. — С. 188–196.

7. Ионин Л. Восстание меньшинств / Л. Г. Ионин — М.; СПб.: Университетская книга, 2012. — 237 с.

ДЗЯРЖАЎНАЕ ПРАВА ПА СТАТУТАХ ВКЛ

Сухоцкая Анастасія Вітальеўна

студэнтка 1 курса, Акадэмія кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь

Навуковы кіраўнік: І. А. Саракавік, канд. гіст. навук, дацэнт

Дзяржаўнае права – гэта сукупнасць прававых нормаў, якія замацоўваюць асновы грамадскага і дзяржаўнага ладу краіны. Тэрмін «дзяржаўнае права» аналагічны тэрміну «канстытуцыйнае права».

Аналізу пытанняў дзяржаўнага права Вялікага княства Літоўскага прысвяцілі свае навуковыя працы многія айчынныя і замежныя даследчыкі. Сярод іх – Ю. Бардах, Т. І. Доўнар, І. І. Лапо, І. А. Маліноўскі, М. П. Чудакоў, І. А. Юхо і многія іншыя.

Развіццё дзяржаўнага феадальнага права Беларусі праходзіла пад уздзеяннем унутраных і знешніх сацыяльна-эканамічных і палітычных працэсаў, складвалася паступова. Яго нормы зыходзяць з часоў ранняга Сярэднявечча, Полацкага, Тураўскага, Смаленскага і іншых дзяржаў-княстваў і праявіліся ўжо ў такіх вядомых помніках права, як дагавор 1229 г. і інш. У перыяд існавання Вялікага княства Літоўскага яны яшчэ больш развіліся ўдасканаліліся, асабліва ў агульназемскіх актах, а затым перайшлі ў Статуты Княства. Па сваёй унутранай дасканаласці і шырыні рэгулюемых праваадносін яны пераўзыходзілі

заканадаўчай Заходняй Еўропы. Напісанні былі характэрнай для таго